

3 февраля 1983 г. № 15 (5647) ◀

встречи по вашей просьбе

СОСНЫ, ДОЖДЬ И МОЦАРТ

Уважаемая редакция!

В Воронежском академическом театре имени А. Кольцова мне как-то довелось увидеть спектакль «Любовь, джаз и черт». Пьеса показалась яркой, необычной по форме. Да и содержание ее — тревожные явления в среде молодежи — заставляет о многом задуматься. Очень бы хотелось узнать подробнее об авторе пьесы — литовском драматурге Ю. Грушасе.

В. СПИЦЫНА,
педагог.

ВОРОНЕЖ.

Он живет на окраине старого Каунаса — на улице Кальнечу. Маленький домик под черепичной крышей смотрит голубыми, словно глаза ребенка, окнами прямо в сад, где сейчас пляшет по огромным, темно-зеленым лапам старых сосен бесконечный, не по сезону, дождь. Узкая, выложенная аккуратными плитами дорожка ведет к крыльцу, на ступенях которого, как изваяние из черного мрамора, застыл огромный королевский пудель.

— Гурдас! Иди в дом! — говорит ему рослый молодой человек — внук хозяина дома — Альгис.

Гурдас — это имя одного из персонажей пьесы Юозаса Грушаса. Гигантский, добрый пес, по-моему, очень горд своим именем, своей причастностью к делам хозяина. А вот и он — крупный, с седыми прядями — в теплом, домашней вязки свитере, с широкой, очень молодящей его улыбкой.

Я бывала в этом доме и прежде, но сегодня меня особенно поразили его тепло и уют. Может быть, потому, что за окнами хлестал холодный зимний дождь и мой плащ промок насквозь.

...Недавно литературная общественность торжественно отметила 80-летие со дня рождения Юозаса Антановича Грушаса, народного писателя Литовской ССР, известного драматурга, получившего к своему юбилею высокую правительственную награду — орден Трудового Красного Знамени. Но разговор наш начался не с поздравлений (они были принесены ранее), а с рассматривания увесистой стопки новых книг писателя на его рабочем столе. Здесь и сборник лучших пьес, вышедший недавно в Москве, в издательстве «Советский писатель», и последний, пятый том сочинений, изданных в Вильнюсе. В этом томе собраны критические статьи, эссе о театре и драматургии.

Мы располагаемся в креслах, неподалеку от синей изразцовой печи, излучающей тепло. На низком столике — в желтой, толстого стекла вазе букет увядших роз. Старинные часы, откуда-то из глубины дома хрипловато отбивают полдень. С мансарды доносятся веселые детские голоса: правнучки писателя, сестры-близнецы затеяли игру с Гурдасом.

Я осторожно поглядываю на большую фотографию на стене, где изображена жена Грушаса Пульхерия Рачите, с которой он прожил 49 лет (она не дождала всего год до их «золотой свадьбы»). Вся жизнь была ему верным другом, первой читательницей его книг и строгим критиком. С портрета глядит красивая, хотя и немолодая женщина. Она сидит одна в пустом зрительном зале, с большим букетом гладиолусов. Только что закончилась премьера пьесы мужа...

— Вы знаете, когда ее не стало, я выжил только потому, что заставил себя погрузиться в работу, — говорит писатель. — Специально стал писать комедию, чтобы отвлек себя от тяжелых мыслей. Очевидно, это помогло. Вы, не возражаете, если буду звучать музыка? Она меня как-то умиротворяет и тревожит одновременно.

Писатель подходит к миниатюрному магнитофону, включает. Звучит Моцарт... — Так вот, о книгах, — говорит Юозас Антанович. — Они плод долгих лет упорной работы. Кажется, Эмерсон сказал, что какой бы неприступной ни была стена, она — ворота. Это, по-моему,

относится и к творческому процессу. Он как бы постоянное борец со стеной. Бывает, пишешь и чувствуешь, что получаешь не то, вот и приходится крошить гранит, долбить его без передышки, пробивать себе ворота.

Входит дочь Грушаса — Алге. она по профессии инженер, проектирует сельские учреждения. Расставляет чашки для кофе на маленьких вязаных салфетках.

Разговор заходит об известной драме «Любовь, джаз и черт», которая идет почти в 50 театрах нашей страны.

— Я недавно перечитала эту пьесу в новом издании и увидела, что в ней появились новые — положительные персонажи: три молодых человека — Альгис, Костас и Витас, которые как бы противостоят носителям злого начала — Андриусу и Юлюсу...

— Да, мы с переводчиком Н. Оттенюм ввели в новый вариант моей трагикомедии образы честных, порядочных юношей, чтобы зло не выглядело в пьесе столь жестоким и оготельным. Но основная мысль осталась неизменной: пока в сердце человека живут любовь и доброта, он не способен на жестокие поступки.

— Но во всех постановках неизменно высвечивается образ Беатриче.

— И это правильно. У меня в пьесе эта девушка — символ красоты, любви, добра.

Надо сказать, что эта пьеса всегда вызывала бурные дискуссии. Писатель вспоминает, как несколько лет тому назад, когда она шла в Паневежском театре, группа студентов написала ему резкое письмо, в котором молодые люди высказывали суждение о том, что современная молодежь вовсе не такая, какой изобразил ее автор пьесы. В Литовском театральном обществе прошла бурная дискуссия, в которой драматург активно участвовал и радовался тому, что его пьеса попала в цель, затронула острую проблему жизни. (Кстати, пьеса «Любовь, джаз и черт» была отмечена премией Ленинского комсомола республики).

...Снова бьют часы. И уже кажется, что вся обстановка старинного дома, облик хозяина несколько не противоречат тому, о чем только что говорил писатель. — его остроумно и современному взгляду художника на события сегодняшнего дня.

...Сын крестьянина-бедняка, Юозас Грушас родился в северной части Литвы.

Очень рано полюбил книгу, поэзию. В 1924 году окончил Шяуляйскую гимназию и поступил в Каунасский университет.

Когда летом 1940 года в Литве рухнул буржуазный строй и была восстановлена Советская власть, Грушас в одном из своих интервью, опубликованном в те дни в газете «Советская Литва», заявил: «Сегодня мне ясно, что все совершается с неизбежностью железной логики, что капиталистический строй и буржуазия вообще выродились, исчерпали себя, и с ними покончено».

И к какому жанру литературы ни обращался бы писатель (а его перу принадлежат не только пьесы и эссе о театре и драматургии, но и новеллы, и роман «Карьеристы»), он всегда верен в своем творчестве главной теме — человек и его время, личность и общество.

Все его пьесы (а их около 30) и на темы современности, и исторические отлича-

ются напряженным сюжетом, философской глубиной, яркой театральностью. Они шли и идут в разных городах страны — в Воронеже и Кустанае, Пензе и Хабаровске, а также за рубежом — на сценах социалистических стран. Постановки пьес Грушаса удостоены ряда дипломов, почетных грамот, литературных премий.

Но особенно запомнилась ему премьера его первой пьесы «Отец и сын» в только что освобожденном от гитлеровцев Шяуляе. Едва смолкли орудийные залпы и разрывы бомб, на улицах еще не убрали камни развалин, а в маленьком помещении Народного дома группа энтузиастов показала спектакль литовского драматурга.

...За окнами маленького домика по-прежнему шелестит дождь. В кабинете писателя звучит Моцарт. Наш разговор продолжается.

Писатель рассказывает, как во время Великой Отечественной войны он жил в деревне, на родине своей жены: пахал землю, занимался крестьянским трудом. Казалось, трагические события того времени непосредственно его не коснулись, но он прекрасно понял, во что может превратиться человек во время разгула фашизма. В яростного зверя! И сегодняшние события в Бейруте и других горячих точках планеты — разве не свидетельство того же самого! После всего этого невозможно писать о банальных событиях повседневности, хочется заглянуть поглубже в человеческие души.

Сейчас драматург пишет новую пьесу — в жанре драмы-сказки, где в аллегорической форме пытается размышлять о современном мире.

— Очень актуально звучит сегодня мысль вашей пьесы «Цирк», которую вы определяете как «парадоксальная комедия»...

— Там идея такая: люди куда-то спешат, мечутся, толкают друг друга, техника одержала верх над человеком (действие пьесы происходит в одной из капиталистических стран). И никто не замечает, что мир может взлететь в воздух...

Писатель берет в руки томик, читает:

«Люди, куда вы? Остановитесь, подумайте! Как хорошо жить! Как хорошо радоваться всему, что вас окружает! Говорить с людьми! Работать в поле! Подставить ладони под капли дождя! Поднимите лица! Посмотрите, какие красивые кругом цветы! Деревья! Дома! А голуби, голуби! Куда вы спешите, милые люди?! Кормите лучше голубей!».

— Да, прекрасный призыв. А сейчас пьеса идет?

— Ей, к сожалению, не очень повезло. Какое-то время назад она шла в Вильнюсе. Но в спектакле был подчеркнут лишь любовный треугольник, а острый гротеск, совмещение реальной жизни с фантастикой (я часто пользуюсь этим приемом) куда-то ушли, остались нераскрытыми.

— Довольны ли вы постановками ваших пьес вообще?

— Не всегда. Думаю, что это объясняется специфическими особенностями моей драматургии. Постановщики, как правило, видят в пьесах лишь их внешнюю сторону — сюжет, интригу (что, конечно, тоже очень важно). Но философская мысль, борьба идей, действительность характеров часто остаются нераскрытыми до конца, что и приводит к неумехе, к непониманию. Я вовсе не собираюсь взваливать вину на чужие плечи, во многом виноват, конечно, и я, как автор, но думаю, что литовскую драматургию надо ставить с большим общественным темпераментом, больше давать места импровизации.

...Собираюсь уходить. Прощаясь, сталкиваюсь в дверях с почтальоном, который приносит новую пачку корреспонденции для Юозаса Грушаса — со всех концов страны и из-за рубежа ему пишут благодарные зрители, которым интересно и необходимо творчество писателя.

Валентина ЖЕГИС,
наш спец. корр.
КАУНАС.